

Г.С. Иваненко

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
АНАЛИЗ ТЕКСТОВ
как средство формирования читательской культуры
и критического мышления

Учебно-методическое пособие

Челябинск
2023

УДК 4: 801.1
ББК 81.83.001
И 18

Рецензенты:

П.А.Катышев, доктор филологических наук, профессор.

О.Б.Адаева, кандидат педагогических наук, доцент

Иваненко, Галина Сергеевна

И 18 Сопоставительный анализ текстов как средство формирования читательской культуры и критического мышления: учебно-методическое пособие / Г. С. Иваненко. – Челябинск : ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2023. – 59 с.

Учебно-методическое пособие содержит материалы к занятиям по дисциплине «Филологический анализ текста» на филологическом факультете вуза и к урокам русского языка, литературы, словесности в средней школе. Пособие адресовано студентам-филологам, учителям-словесникам и старшеклассникам. Выход на определение идейно-художественной специфики произведения через логическую процедуру сопоставления нацеливает на формирование читательской культуры и критического мышления.

УДК 4: 801.1
ББК 81.83.001

© Иваненко Г.С., 2023

Содержание

Пояснительная записка	3
1. Теоретическая часть	
1.1. Сопоставительный анализ: роль в формировании читательской культуры и развитии критического мышления.....	5
1.2. Пример сопоставительного анализа текстов.....	13
2. Практическая часть	
2.1. Сопоставление авторских вариантов.....	15
2.2. Сопоставление переводов.....	21
2.3. Сопоставление текстов на уровне темы и жанра.....	48
2.4. Сопоставление текстов на уровне формы.....	52
Список литературы	55

Пояснительная записка

Критическое мышление – один из необходимых компонентов функциональной грамотности, которая сегодня понимается как круг знаний, умений и навыков, необходимых человеку для эффективной самореализации в современном социуме. Критическое мышление востребовано во всех сферах жизни: при определении оптимальных способов подготовки и реализации какого-либо действия, при выборе товара в магазине, партнера в жизни и деятельности, а главное – при формировании картины мира, определяемой мерой доверия к различным информационным источникам, зависящей от корреляции сообщаемых сведений друг с другом и с уже установленными фактами.

Критическое мышление реализуется в целом ряде интеллектуальных процедур, одним из базовых среди которых является процедура **сравнения** объектов. Установление общего и различного и их объема и качества, определение логического основания сравнения, оценка полученных результатов сопоставления для реализации поставленных целей, сам навык выявления объектов для сравнения – мыслительные действия, лежащие в основе критического мышления.

На различных предметах имеются методические ресурсы для формирования навыка сопоставления. В рамках дисциплины «Филологический анализ текста» прекрасная возможность для формирования навыка сопоставления объектов появляется при работе с текстами, сравнение которых является дополнительным

средством проникновения в идейно-художественную природу каждого. В сопоставлении индивидуальность произведения вскрывается с большей очевидностью, в более тонких своих аспектах.

Тексты могут быть сопоставлены на различных логических основаниях:

- авторские редакции одного произведения;
- различные переводы одного произведения;
- произведения, объединенные общей темой;
- произведения, объединенные общей жанровой или композиционной формой.

Материал, предложенный для работы по сопоставительному анализу, может быть использован и в школе на уроках русского языка, литературы, словесности, при подготовке к экзамену и написанию сочинения, на кружках по художественному творчеству и журналистике. При сравнении композиционных, лексических, морфологических, синтаксических средств выражения смысла формируется внимательное отношение к языковому факту, устанавливается взаимосвязь «форма – содержание».

В рамках дисциплины «Филологический анализ текста» сопоставительный анализ – один из приемов извлечения смысла. В качестве же действия метапредметного характера сопоставление текстов является средством формирования одного из базовых интеллектуальных навыков – ***сравнительно-сопоставительного***.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

1.1. Сопоставительный анализ:

роль в формировании читательской культуры и развития критического мышления

Одна из главных задач обучения студента-филолога – формирование навыка извлечения смысла [1], который невозможен без проявления критического мышления. Этот навык формируется в процессе изучения всех дисциплин, но курс «Филологический анализ текста» непосредственно направлен на становление культуры интерпретации. Итогом процесса осмысления художественного произведения становится понимание интеллектуального и эмоционального посыла автора [2]. Многие средства аналитической техники используются для достижения эффекта декодировки идейно-художественного смысла [3;4;5;6]. Одно из средств раскрытия нюансов индивидуальной природы текстового пространства – сопоставительный прием анализа текста.

Еще в 30-е годы прошлого века известный отечественный филолог Л.В. Щерба предложил филологическому сообществу идеи новой методики прочтения произведения. Идеи движения от частных языковых фактов к смыслу были сначала сообщены в докладах, а значительно позже оформлены в работе «Опыты лингвистического толкования стихотворений» [7], положившей начало дисциплине «Лингвистический анализ текста», которая оформится как самостоятельный учебный предмет только в 80-е

годы, а на рубеже веков сменит название на «Филологический анализ текста». Вторая часть [7] была посвящена сравнению «Сосны» Гейне с ее переводом Лермонтова, если, конечно, можно так назвать творческую переработку, превратившую любовное стихотворение немецкого классика в гимн романтической мечте о недостижимом далеке, притом очищенный от всего немецкого и приобретший совершенно русский колорит. Несмотря на бесспорный успех анализа, именно благодаря сопоставлению достигнутого такого эффекта открытия тонких смыслов, прием сопоставления в последующие десятилетия не использовался в полном объеме своих возможностей. Его в большей мере взяли на вооружение для решения лингвистических задач [8].

С появлением новой на тот момент учебной дисциплины «Лингвистический анализ текста» одно из первых учебных пособий [9] показало замечательные возможности сопоставительного приема. Последующие работы этого автора [10;11] поддерживали ранее предложенные идеи, но все же развитие текстовой аналитики пошло преимущественно по другим направлениям. Появившиеся же пособия по «Филологическому анализу текста» не взяли в арсенал используемых средств рассматриваемый прием. Недостаточная разработка методик использования сопоставительного приема анализа текста и малое количество дидактических материалов по его применению, при его эффективности, определяют актуальность обозначенного направления работы.

Материалом для настоящего исследования послужило многолетнее наблюдение за результатами применения сопоставительного анализа текста в процессе обучения на дисциплине «Лингвистический анализ текста» и «Филологический анализ текста». Собиралась методическая копилка текстов для сопоставления, часть которых представлена в [12]. Разновидности сопоставительного анализа подверглись систематизации, результатом которой стала предлагаемая типология. Эффективность исследуемого приема проверялась в ходе аналитических бесед и при помощи тестирования.

Сравнение – интеллектуальная процедура, включающая критическое мышление, заставляющая различать по множеству параметров два объекта. Именно поэтому сравнение используется активно и как тест в психологии и психиатрии, и как средство обучения. При исследовании семантики и стилистики текста можно осуществить сопоставление следующих типов.

1. Работа с переводным текстом. Сопоставление оригинала и перевода, подстрочника и перевода, двух и более переводов.

Для сопоставления оригинала и перевода требуется знание языка, на котором создан первичный текст. Для студентов и учеников, изучающих какой-либо иностранный язык глубоко, такое задание будет средством актуализации внимания к тонким оттенкам семантики и грамматики. Для тех, чьи знания недостаточны, Л.В. Щерба еще сто лет назад предложил другой вариант: сравнивать можно подстрочник и перевод. Конечно, что-то будет упущено, но материала для выводов останется все равно

достаточно, чтобы обратит внимание на значимые оттенки смыслов произведений.

Еще более результативно сравнение нескольких переводов одного текста. При этом в свете стоящих перед исследователями в рамках дисциплины «Филологический анализ текста» задач значимо не определение меры соответствия переводов оригиналу, а выявление универсальных, инвариантных и индивидуальных смыслов, которые внес каждый переводчик. На настоящий момент существует более 40 переводов «Сосны» Гейне, и сравнение даже пяти из них, которые рассматривались на занятии, дало импульс для поиска семантических нюансов и коннотаций слов, избранных разными авторами для обозначения предметных сущностей. Сопоставление переводов даже фрагмента стихотворения двумя русскими поэтами заставляет обратиться к выявлению разницы между скалой и пригорком, сном и дремотой, инистой мглой и суровым ледяным и снежным покровом:

Ф.И. Тютчев	А.А.Фет
<p><i>На севере мрачном, на дикой скале Кедр одинокий под снегом белеет, И сладко заснул он в инистой мгле, И сон его вьюга лелеет.</i></p>	<p><i>На севере кедр одинокий Стоит на пригорке крутом; Он дремлет, сурово покрытый И снежным и ледяным ковром..</i></p>

Рассмотрев три наиболее популярных из десяти переводов Франсуа Гийона «Баллада поэтического состязания в Блуа»,

студенты приходят к выводу об инвариантном приеме, организующем текст, без которого его идея не может быть выражена, – антитезе, выражающей внутреннюю противоречивость личности лирического героя, а также о различиях в художественных концепциях каждого переводчика.

Сравнение переводов Б.Пастернака и Н.Холодковского «Посвящения», предваряющего «Фауста» Гёте, показывает неизбежность личностного эмоционального выбора каждым автором языковых средств выражения фактически тождественных денотатов, репрезентированных одним в трагически-фаталистическом ключе, а другим – в лучезарно-светлом.

2.Сопоставление авторских редакций. Наблюдение за направлением авторской правки позволяет, во-первых, увидеть вектор отбора и предположить причины отказа от того или иного варианта, во-вторых, выявить сематические оттенки языковых единиц различных уровней, в-третьих, точнее определить выражаемые смыслы. Например, сравнение одного из черновиков «Памятника» А.С.Пушкина с окончательным вариантом убеждает в том, что поэт осознавал свою роль в современном ему литературном процессе, но, определяя главную свою заслугу и поэта вообще, отдал приоритет нравственно-этической категории:

Черновик	Печатный вариант
<i>И долго буду тем любезен я народу, Что звуки новые для песен я обрел</i>	<i>И долго буду тем любезен я народу, Что чувства добрые я лирой пробуждал</i>

Круг текстов, доступных к сопоставительному анализу по названному параметру, ограничен, поскольку малая часть черновых рукописей авторов становится известна. Возможно рассмотрение авторских правок, внесенных в новые издания произведений.

3. Сопоставление на уровне темы, концепта. Любое явление, показанное в сравнении, осознается как более сложное, предстаёт в разных гранях, с разных сторон. Опыт сравнения двух стихотворений А.Блока на одну тему с одинаковым названием «Демон» 1910 и 1916 годов показывает эволюцию, с одной стороны, поэтики автора, с другой – представлений о природе и причинах романтического «демонического» одиночества. Сопоставительный прием применим к любым текстам, анализ которых в сравнении выводит на понимание различий во взглядах на общечеловеческие ценности и концепты культуры. Так, формирование у студентов представления о признаках дворянской культуры конца XVIII- нач. XIX в.в. и ее проекции на литературу и язык в курсе «Лингвокультурологии» в традициях семиотической школы [13] предполагает, наряду с другими аспектами, рассмотрение традиции выражения чувства любви. Сравнение произведений – признаний в любви, например, Д.Давыдова как яркого представителя дворянского мировоззрения своей эпохи [14] и аналогичными по тематике произведениями последующих эпох позволяет увидеть время и традиции сквозь призму трансляции читателю лирического переживания.

4. Сопоставление на уровне формы. Форма – широкое понятие, включающее широкий спектр внешних средств выражения содержания. Жанр, композиция, текстовый прием (ретроспективы, двойничества, др.) – все эти категории могут стать основой для сравнения. Например, можно сравнить произведения, построенные по модели путешествия, с тем чтобы увидеть универсальное и индивидуальное в его функционировании. Большой интерес вызывает у студентов сопоставление двух любовных прощальных писем: «Письма к женщине» С.Есенина и письма Веры к Печорину из «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова. Выявление общего и различного на уровне формы и содержания подводит студентов ко многим значимым выводам: о специфике литературного языка эпохи, о динамических процессах в языке [15], в стилистике эпистолярного жанра, в представлениях о месте стилистически окрашенных средств в художественном произведении, о гендерных особенностях речевого самовыражения и о многом другом.

5. Сопоставление языковых средств. Сравнение может осуществляться на уровне какого-либо одного языкового уровня или средства. Так, выявить функции сложного синтаксиса можно на примере обращения к фрагментам из произведений «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтова и «Король, дама, валет» В.Набокова [12, с.43]. Сравнение описания летнего дня И.С. Тургеневым в «Бежином луге» и А.П. Чеховым в «Степи» [12, с.46] позволяет увидеть палитру индивидуальных языковых средств на уровне лексики, морфологии, синтаксиса каждого автора.

Сопоставительный приема анализа текста, как показала практика, актуализирует материал, включает у студента критическое мышление. Те тексты, которые рассматривались в сопоставлении, вызывали большие дискуссии, в них будущие учителя словесники находили больше деталей, которые могли бы не заметить вне аналитической процедуры сравнения. Но у приема в практике его применения есть ограничение: он требует особой подготовки. Сопоставление оригинала и перевода возможно только при знании языков. Сопоставление по параметрам жанра, концепта, формы требует филологической и общей эрудиции.

Методика применения сопоставительного приема как способа расширения интерпретативных возможностей при анализе текста имеет свою специфику в зависимости от факторов: а) характера аудитории (возраст, уровень филологической подготовки, владение другими языками); б) аспекта рассмотрения, обусловленного общими целями научной дисциплины и конкретной темой занятия; в) избранного типа сопоставительного приема. Все вопросы, связанные с типологической разнородностью приёма сопоставления, нуждаются в дальнейшем обсуждении и разработке.

К уроку с применением исследуемого приема требуется подбор материала – непростая задача, решение которой упростили бы выпуск пособия с подготовленными для работы по сопоставлению текстами.

Сопоставление как методический прием анализа текста – результативный способ актуализации для интерпретатора смыслов,

выраженных определенными языковыми средствами. При сопоставлении с близкими, но не тождественными сущностями семантический, языковой факт получает в глазах исследователя мотивацию, обусловленную рядом субъективных и объективных факторов текстообразования. Наблюдение эффекта открытия нюансов смысла, вскрывающихся при сопоставлении, убедило в результативности исследуемого приема анализа текста.

1.2. Пример выполнения сопоставительного анализа

Задание: сравнить первоначальный и окончательный варианты текста и выявить, какие семантические оттенки внесли окончательно выбранные единицы.

Первый вариант 1-ой строфы стихотворения А.С. Пушкина "На холмах Грузии..."

Все тихо. На Кавказ идет ночная мгла.

Восходят звезды надо мною.

Мне грустно и легко – печаль моя светла.

Печаль моя полна тобою.

Окончательный текст:

На холмах Грузии лежит ночная мгла;

Шумит Арагва предо мною.

Мне грустно и легко; печаль моя светла;

Печаль моя полна тобою.

Образец сопоставительного анализа авторских вариантов.

Все тихо → предложение отсутствует

1) Пушкин уходит от прямого обозначения состояния, уводит его в подтекст, в связи с чем тишина осмысляется не столько как тишина физическая, т.е. отсутствие звуков, сколько как тишина внутренняя, духовная, как спокойствие.

2) Строка, разъединенная синтаксически на два предложения, а следовательно, и интонацию, ритмически, заменяется на строку, совпадающую с цельной синтаксической единицей. На уровне звукозаписи возникает плавность прочтения.

Кавказ → холмы Грузии.

1) Автор уходит от нежелательных ассоциаций, вызываемых словом Кавказ: война, ссылка. Грузия – деревня и мирная страна, с которой не связано традиционное представление об опасности, вражде.

2) Лексема "Кавказ" обозначает и гряду гор, в окончательном же варианте – не горы, а "холмы". Пейзаж более спокойный, уже не романтический, а реалистический.

Идет → лежит.

1) Глагол движения заменен глаголом состояния, что подготавливает почву для выражения чувств лирического героя.

2) В первом варианте ночь только наступает, в окончательном она царит над всем спокойно и властно, динамичное состояние заменено статичным.

Восходят звезды → Шумит Арагва.

1) Первый вариант был беззвучным, второй же озвучен шумом Арагвы.

2) В окончательном варианте возникает второе в тексте имя собственное, что конкретизирует ситуацию, придает ей реальные черты.

3) Звезды – достаточно традиционный поэтический образ, уже не раз избираемый фоном лирического текста. Шум же реки – образ новый и, следовательно, воспринимаемый читателем не как литературная абстракция, поэтический символ, а как реальный факт окружающего мира.

4) Шум реки еще больше подчеркивает отсутствие других звуков, а главное, внутреннее состояние: шум реки как полнота чувства, ее течение – как неизбежность любви.

Надо мною → предо мною.

В первом варианте человек – песчинка перед мирозданием, космосом. Взгляд лирического героя обращен вверх, к звездам, в таинственный мрак – и это философское отношение к миру. В окончательном варианте человек смотрит на реальную землю, на реку, ему ближе конкретный земной пейзаж, и это отражает его чувство как реальное, живое, при всей его чистоте, а не романтически идеальное и отвлеченное.

Изменяется синтаксическая структура текста "–" → " ; "

В первом варианте между частями сложного предложения устанавливаются причинно-следственные связи, что вносит в лирический текст элемент рассудочности, противоречащий естественному "шуму Арагвы", шуму чувств. При причинно-следственных отношениях одно состояние – следствие другого: печаль светла, т.к. грустно и легко. В окончательном варианте между частями сложного предложения складываются перечислительные отношения, формирующие сложный образ переживания. Анализ чувств заменяется их описанием. Вообще на синтаксическом уровне Пушкин избрал для окончательного варианта перечислительные отношения, выражаемые соответствующей интонацией, создающей четкий ритм, центростремительное соединение характеристик состояния, отнесенных к четырежды повторенному местоимению со значением 1-го лица.

На лексическом уровне две последние строки остались неизменными, что говорит об их изначальной концептуальной значимости.

ПРАКТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

2.1. Сопоставление авторских вариантов

Задание 1. Сопоставьте черновой и окончательный авторские тексты, определите разницу в оттенках смысла.

1) А.С. Пушкин "Евгений Онегин".

Черновой вариант:

Я новый карандаш беру,
Чтоб описать ее сестру.
Ее сестра звалась Наташа.
Мы нынче именем таким
Страницы нашего романа.
Не устращая, освятим.

Окончательный текст:

Позвольте мне, читатель мой,
Заняться старшею сестрой.
Ее сестра звалась Татьяна...
Впервые именем таким
Страницы нашего романа
Мы своевольно освятим.

2) А.С. Пушкин "Памятник"

Черновой вариант:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу
И милосердие воспел.

Окончательный текст:

И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой
пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я
свободу

3) Сопоставьте первый и окончательный варианты текстов А.П. Чехова:

1. Одним словом, уходя после панихиды от Путохина, я верил, что **ему и его семье несдобровать**. (Было: **...в самом скором времени от него и его семьи не останется мокрого места.**) ("Беда").

2. - Совсем с пути сбил, дьявол! - ворчит он. - Сам **пьет** и других в грех вводит. (Было: **...трескает...**) (Там же).

3. На другой день после переполоха купец Авдеев, член ревизионной комиссии банка, сидел с приятелями у себя в лавке и **говорил**: "**...Теперь** взять, к примеру, хоть Петра Семеныча..." (Было: **...Философствовал...; ...Таперича...**) (Там же).

4. Гляди, Иван Данилыч, как бы и тебе не **досталось**. (Было: **влетело**).

5. **Если с этого места** выпалить, то ничего не убьешь. Дробь мелкая и, **покуда** долетит, ослабнет. (Было: **Ежели отсела...; ...покеда...**) ("Брожение умов").

6. Если бы нашелся добрый человек, который подсунул мне в ту пору револьвер, то я с наслаждением пустил бы себе **пулю в лоб**. (Было: **...в башку пулю.**) ("Сильные ощущения").

7. - Ну полно... - сказал адвокат, хлопая меня по плечу, и засмеялся. - Перестань **плакать**. Письмо не дойдет до твоей невесты. (Было: **...хныкать.**) (Там же).

8. - Аптекой **пахнет**... - говорит тонкий. (Было: **...воняет...**) ("Аптекарьша").

9. Лавочники, мечтающие о сбыте лежалой, заржавленной колбасы и **"самых лучших" сардинок, которые лежат на полке уже десять лет...** не закрывают своих заведений в течение всей ночи... (Было: **...паршивых десятигодовалых сардинок...**) ("Муж").

10. Когда под окном мелькнул рябой солдат в красной рубахе, они (дамы) отлично знали, что это денщик подпоручика Рымзова **рыскает** по городу и ищет для своего барина в долг английской горькой. (Было: **...бегает...**) (Там же).

11. **Наговорившись**, они (дамы) вытребовали к себе воинского начальника и старшин клуба и приказали им устроить во что бы то ни стало танцевальный вечер. (Было: **Подсудачив...**) (Там же).

12. В тот же день я уехал в Петербург и с Дмитрием Петровичем и его женой больше ни разу **не виделся**. (Было: **...не видался.**) ("Страх").

13. Однажды ночью он возвращался от больного, и на него напали в лесу разбойники, но, узнав его, они почтительно сняли перед ним шляпы и спросили, не хочет ли он **есть**. (Было: **...кушать**) ("Рассказ старшего садовника").

14. Редька закрыл глаза, покачал головой и **изрек** тоном философа: "Тля ест траву, ржа - железо, а лжа - душу". (Было: **...сказал...**) ("Моя жизнь").

15. Перед ее (сестры) глазами открывался мало-помалу иной мир, какого она раньше **не видала** даже во сне... (было: **...не видала...**) (Там же).

16. А ведь это почтенное семейство всю свою жизнь боролось с предрассудками; очевидно, оно **полагало**, что все предрассудки и заблуждения человечества только в трех свечах, в тринадцатом числе, в тяжелом дне - понедельник. (Было: **...думало...**) (Там же).

4) В. Маяковский
"Кое-что про Петербург" (1913)

Черновой вариант:

И небу - стихши - ясно стало:
туда, где моря блещут блюда,
сырой погонщик гнал устало
реки двугорбого верблюда.

Окончательный текст:

И небу – стихши - ясно стало:
туда, где моря блещет блюдо,
сырой погонщик гнал устало
Невы двугорбого верблюда.

"Нате!" (1913)

Черновой вариант:

Вот вы, мужчины, - у вас

Окончательный текст:

Вот вы, мужчина, у вас

в усах капуста
где-то недокушанных,
недоеденных щей;
вот вы, женщины: у вас
белила густо,
вы смотрите устрицами
из раковин вещей.
И все вы на бабочку
поэтиного сердца
взгромоздитесь, грязные,
в калошах и без калош.

5) Л.Н. Толстой "После бала".

Черновой вариант:

Полковник кричал на людей,
которые недостаточно крепко
били, и бил их за это,
угрожая еще более жестоким
наказанием.

в усах капуста
где-то недокушанных,
недоеденных щей;
вот вы, женщина, на вас
белила густо,
вы смотрите устрицей
из раковин вещей.
Все вы на бабочку
поэтиного сердца
взгромоздитесь, грязные,
в калошах и без калош.

Окончательный текст:

Вдруг полковник остановился
и быстро приблизился к одному
из солдат. - Я тебе помажу, -
услыхал я его гневный голос. -
Будешь мазать? Будешь? – И
я увидел, как он своей сильной
рукой в замшевой перчатке
бил по лицу испуганного,
малорослого, слабосильного
солдата за то, что он
недостаточно сильно опустил
свою палку на красную спину

татарина.

Черновой вариант:

...Влекомый на ружьях
человек то откидывался
назад, и тогда солдаты
с сосредоточенными
лицами толкали его
вперед; то падал
наперед, и тогда те же
солдаты удерживали его
от падения и медленно
вели вперед.

Окончательный текст:

...Дергаясь всем телом,
шлепая ногами по талому
снегу, наказываемый под
сыпавшимися с обеих
сторон на него ударами,
подвигался ко мне , то
опрокидываясь назад -
и тогда унтер-офицеры,
ведшие его за ружья,
толкали его вперед, то
падая наперед - и тогда
унтер-офицеры, удерживая
его от падения, тянули
его назад.

б) В. Высоцкий "Я не люблю" ...

Черновой вариант:

...Я не люблю, когда стреляют

в спину,

Но, если надо, выстрели в упор
Я не люблю насилья и бессилья,
И мне не жаль распятого Христа.

Окончательный текст:

Я не люблю, когда стреляют

в спину,

Я также против выстрелов в упор.
Я не люблю насилья и бессилья,
Вот только жаль распятого Христа.

7) А. Блок "Черный ворон в сумраке снежном".

- 1 вариант** 3 строфы: И опять на ночное свиданье
Ты приходишь в забвенье и сне,
Валентина, комета, мечтанье,
От Востока на Запад ко мне.
- 2 вариант:** Ты опять восходишь, мерцанье,
Легкий сон непонятных встреч,
Валентина, звезда, мечтанье,
Снежной пылью мне сердце жечь?
- 3 вариант:** Верю, верю - южные ночи,
И твои поют соловьи,
Пугливые быстрые очи,
Смелые губы твои.
- Беловая рукопись:** Снежный ветер летит от залива
В опьяненные губы твои...
Валентина, мечтание, диво,
Как поют твои соловьи!
- Печатный вариант:** Снежный ветер, твоё дыханье,
Опьяненные губы мои...
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

2.2. Сопоставление переводов

Здание № 2. Прочитайте переводы стихотворения «Сосна» Генриха Гейне. Если Вы владеете немецким языком, прочитайте оригинал, если не владеете, опирайтесь на подстрочник. Всего существует более 40 переводов этого стихотворения на русский язык. Сопоставьте представленные переводы, определите

особенность каждого. В чем концептуальное отличие некоторых переводов от концепции автора?

Henrich Heine

(подстрочный перевод)

Ein Fichtenbaum steht
einsam
Im Norden auf kahler
Höh';
Ihn schläfert; mit weißer
Decke
Umhüllen ihn Eis und
Schnee.

Сосна (м.р.) стоит одиноко
На севере на холодной вершине.
Он дремлет, белым покрывалом
Окутывают его лёд и снег.

Он мечтает о пальме,
Которая далеко на востоке
Одиноко и молча печалится
На пылающей скале.

Er träumt von einer Palme,
Die, fern im Morgenland,
Einsam und schweigend
trauert
Auf brennender
Felsenwand.

1822

А. А. Фет

Ф. И. Тютчев, С чужой стороны

На севере дуб одинокий
Стоит на пригорке
крутом;
Он дремлет, сурово
покрытый
И снежным, и лдяным
ковром.

На севере мрачном, на дикой
скале
Кедр одинокий под снегом
белеет,
И сладко заснул он в инистой
мгле,
И сон его вьюга лелеет.

Во сне ему видится
пальма,
В далёкой восточной
стране,
В безмолвной, глубокой
печали,
Одна, на горячей скале.

Про юную пальму все снится ему,
Что в дальних пределах Востока,
Под пламенным небом, на
знойном холму
Стоит и цветёт, одинока...

1826

М. Ю. Лермонтов

На холодной и голой вершине
 Стоит одиноко сосна
 И дремлет... под снегом
 сыпучим,
 Качаясь, дремлет она.
 Ей снится прекрасная
 пальма
 В далекой восточной земле,
 Растущая тихо и грустно
 На жаркой песчаной скале.

1840

М. Ю. Лермонтов

На севере диком стоит одиноко
 На голой вершина сосна,
 И дремлет, качаясь, и снегом
 сыпучим
 Одета, как ризой, она.

И снится ей всё, что в пустыне
 далёкой
 В том крае, где солнца восход,
 Одна и грустна на утёсе
 горячем
 Прекрасная пальма растёт.

1841

М. Л. Михайлов

На северном голом утёсе
 Стоит одинокая ель.
 Ей дремлется. Сонную
 снежным
 Покровом одела метель.

И ели мерещится пальма,
 Что в дальней восточной
 земле

Лев Игнатьевич Уманец

На севере диком, на круче
 бесплодной
 Стоит одиноко сосна;
 Вся снегом одета в дремоте
 холодной
 Как саваном белым она.

Ей снится, что чудная пальма
 Востока

Одна молчаливо горюет
На зном сожжённой
скале.

1856

Товий Хархур

На севере кедр одинокий
Стоит на вершине нагой

—
Забылся, укутанный
снегом,
Закованный в креп
ледяной.

Он грезит о пальме
далёкой,
Что в крае, где солнце
встаёт,
В безмолвной тоске,
одиноко
На скалах горячих
растёт.

В. Гиппиус:

На северной, голой вершине
Дуб одинокий стоит;
Он дремлет - и льдом, и
снегами,
Как саваном белым, покрыт.
И бедному грезится пальма,
Что в дальней, восточной
земле
Нема, одиноко горюет
На солнцем сожжённой
скале.

Ольга Славянка

В далёкой и знойной земле
В тоске молчаливой стоит
одиноко
На солнцем палимой скале.

1887

Аполлон Николаевич Майков

Инеем снежным, как ризой,
покрыт,
Кедр одинокий в пустыне стоит.
Дремлет, могучий, под песнями
вьюги,
Дремлет и видит — на
пламенном юге
Стройная пальма растёт и, с
тоской,
Смотрит на север его ледяной.

1866

П. Вейнберг

На севере кедр одиноко
На голой вершине растёт,
Он спит; одеялом белым
Укрыл его снег и лёд.
Он видит сон о пальме,
Что в дальней, восточной земле
Грустит одиноко и молча
На раскалённой скале.

И. П. Павлов

На севере дальнем на склоне	Незыблемо кедр одинокий
Лишь кедр одиноко растет.	стоит
Укутал могучую крону	На Севере диком, суровом,
Его снег холодный да лед.	На голой вершине, и чутко он
	спит
	Под инистым снежным
Кедр спит. Ему снится:	покровом.
далёко	
В краю знойном, где	И снится могучему кедру Она –
тишина,	Прекрасная пальма Востока,
Стоит на скале одиноко	На знойном утёсе, печали
Печальная пальма одна.	полна,
	И так же, как он, одинока.

Задание №3. Прочитайте сокращенный вариант сопоставительного анализа оригинала стихотворения «Сосна» Генриха Гейне и его перевода М.Ю. Лермонтова, выполненного Львом Владимировичем Щербой. Согласны ли вы с выводами, сделанными ученым?

Щерба Л.В. «Опыты лингвистического толкования стихотворений. «Сосна» Лермонтова в сравнении с её немецким прототипом», 1936 (в сокращении)

Нашей культуре издавна не хватает умения внимательно читать и что нам надо поучиться этому искусству у французов. Дюшен называет перевод Лермонтова точным, и, действительно, он может быть назван с формальной точки зрения довольно точным.

1. *Fichtenbaum*, что значит «пихта», Лермонтов передал словом *сосна*. В этом нет ничего удивительного, так как в русско-немецкой словарной традиции *Fichte* и до сих пор переводится через *сосна*, так же как и слово *Kiefer* и обратно – *пихта* и *сосна* переводятся через *Fichte*, *Fihtenbaum*. По всей вероятности, Гейне под *Fichtenbaum* понимал именно «сосну», но, хотя ботаническая порода дерева ему совершенно неважна, а важен мужеский род.

2. По-немецки психологическим и грамматическим подлежащим является стоящее на первом месте *Fichtenbaum*, которое, таким образом, и является героем пьесы. По-русски *сосна* сделана психологическим сказуемым и, стоя на конце фразы, как бы отвечает на вопрос: «Кто стоит одиноко?» (т.о. у Лермонтова

сосна лишена той действенной индивидуальности, которую она имеет в немецком оригинале).

3. По-русски, в противоположность немецкому, обстоятельственные слова *на севере диком* вынесены вперед, благодаря чему получается вместо сдержанного делового тона немецкого оригинала тон эпический, тон благодушного рассказа.

4. В лексическом отношении эпитет *дикий* вполне приемлем, так как раскрывает слово *север* именно с нужной стороны, подчеркивая одиночество. Передача *auf kahler Höhe* через *на голой вершине* вполне законна, вопреки Дюшену, который думал, что надо перевести *на лысой вершине*. Ведь мы говорим *голый череп, голое дерево, голые скалы, голая местность* и т. д.

5. *Steht einsam* было бы, может быть, лучше и точнее перевести *стоит одинокая* или *стоит в одиночестве*, чтобы больше подчеркнуть формальный характер глагола *stehen* и выдвинуть идею одиночества как основной признак; однако и лермонтовский перевод все же никак не искажает оригинала. *Качаясь* вводится естественными ассоциациями с *дремлет*: что же касается материальной стороны образа, то *auf kahler Höhe* предположить ветер более чем естественно. *Дремлет* вместо дословно *ей спится* не придаёт состоянию чересчур активного характера, и в русском тексте исчезает идея внешних сил, обуславливающих сонливость, на которые указывает немецкая безличная форма; и это в связи с прибавкой слова *качаясь*, направляющего мысль на образ баюкания, чего в оригинале нет: *ihn schläfert* лучше было бы перевести *его морит сон*.

6. По-немецки покров (*Decke*) сосны образуют лёд и снег; по-русски – *снег сыпучий*. Очевидно, что первое сковывает, а второе лежит мягко и может лишь содействовать впечатлению волшебной сказки, вводимому словами *и дремлет качаясь* и усугубляемому сверкающей очевидно на солнце *ризой*, в которую превратилось *Decke*. Лермонтова не смущают ни ветер, который предполагается его же вставкой слова *качаясь* и от которого снег должен был бы облетать, ни *сосна*, на которой *сыпучий снег* никак не держится, – ему нужен красивый поэтический образ, и он рисует всем нам знакомый восхитительный, хотя и несколько меланхоличный, облик ели, густо обсыпанной легким снегом, который сверкает на солнце. Что для Гейне образы *Eis und Schnee* были более важны, чем *weisse Decke*, явствует из порядка слов, из

того, что грамматическое подлежащее *Eis und Schnee* он сделал психологическим сказуемым: «белым покровом облегают её лёд и снег», что показывает, не только одиночество, но и в суровое заточение (ср. безличную форму – *ihn schläfert*).

7. Во второй строфе почти все известные мне переводчики понимают *er träumt* как «ей снится» или «видится во сне» (только Майков переводит дремлет и видит), т. е. переводят личную конструкцию – безличной и не хотят понимать *träumen* как «мечтать». Между тем наличие этого значения в немецком несомненно.

8. Хотя *auf brennender Felsenwand* действительно даёт повод говорить о какой-то знойной грозной пустыне, Лермонтов всё сделал, чтобы не только её обезвредить, но и обратить на службу своей идее: снабдил эпитетом *далекая*, превратив таким образом реальную пустыню в легендарную и желанную страну, и развил ещё целым выражением *в том крае, где солнца восход*, которое переводит лаконичное *im Morgenland* и которое тоже в своём многословии напоминает сказочный стиль.

9. Далее – *грустить* – плохой перевод для *trauern*: в русской грусти много сладости, которой вовсе нет в немецком *trauern* (“*Trauer tragen, niedergedrückt sein*”).

10. Лермонтов оставил без перевода *schweigend* и добавил эпитет *прекрасная*, что переместило стрелку весов от трагичности к сказочности.

11. Перевод *auf brennender Felsenwand* через *на утесе горячем* вызывает, с одной стороны, сказочное впечатление этим фольклорным *горючий*, а с другой стороны, на много градусов ослабляет немецкое *brennend* – «пылающий». Дело в том, что живое значение слова *горючий* – это «способный к горению, легко воспламеняющийся», но наше естественное этимологическое чутье ведет нас скорее к глаголу *горевать, горюющий*.

12. Далее, *утёс*, как в общем, конечно, верный перевод немецкого *Felsenwand*, на самом деле уничтожает внутреннюю форму немецкого слова: *Wand*, как вторая часть сложного слова, применяется к абсолютно отвесным скалам. Гейне говорит о неприступной, накаляемой солнцем скале, и весь образ *Palme, die auf brennender Felsenwand trauert* – образ удручённой женщины, находящейся в тяжёлой неволе. Центр тяжести лежит именно в словах *auf brennender Felsenwand*, ведь эти слова поставлены после

глагола вопреки формальному правилу, но ещё больше явствует это из ритмики: синтаксически тесно связанные *trauert* и *auf brennender Felsenwand* разорваны стихоразделом и что получившееся таким образом *enjambement* выделяет оба элемента.

Из проделанного лингвистического анализа следует совершенно недвусмысленно, что сущность стихотворения Гейне сводится к тому, что некий мужчина, скованный по рукам и по ногам внешними обстоятельствами, стремится к недоступной для него и тоже находящейся в тяжелом заточении женщине, а сущность стихотворения Лермонтова – к тому, что некое одинокое существо благодушно мечтает о каком-то далеком, прекрасном и тоже одиноком существе.

Задание №4. Сравните переводы текста французского поэта Франсуа Вийона (1431-1463?) «БАЛЛАДЫ О РУЧЬЕ» («БАЛЛАДЫ ПОЭТИЧЕСКОГО СОСТЯЗАНИЯ В БЛУА»), написанной в 1458 г. в Блуа при дворе герцога и поэта Карла Орлеанского (1394-1465). Какая идея лежит в основе всех переводов? Какие компоненты смысла и стилистики различны в представленных переводах?

<p>Ballade du concours de Blois</p> <p>Je meurs de seuf auprès de la fontaine, Chaud comme feu, et tremble dent à dent ; En mon pays suis en terre lointaine ; Lez un brasier frissonne tout ardent ; Nu comme un ver, vêtu en président, Je ris en pleurs et attends sans espoir ; Confort reprends en triste désespoir ; Je m'éjouis et n'ai plaisir aucun ;</p>	<p>Баллада поэтического состязания в Блуа (пер. И. Эренбурга №1)</p> <p>От жажды умираю над ручьем. Смеюсь сквозь слезы и тружусь, играя. Куда бы ни пошел, везде мой дом, Чужбина мне - страна моя родная. Я знаю все, я ничего не знаю. Мне из людей всего понятней тот, Кто лебедицу вороном зовет. Я сомневаюсь в явном, верю чуду.</p>
--	---

<p>Puissant je suis sans force et sans pouvoir, Bien recueilli, débouté de chacun.</p> <p>Rien ne m'est sûr que la chose incertaine ; Obscur, fors ce qui est tout évident ; Doute ne fais, fors en chose certaine ; Science tiens à soudain accident ; Je gagne tout et demeure perdant ; Au point du jour dis : " Dieu vous doint bon soir ! " Gisant envers, j'ai grand paour de choir ; J'ai bien de quoi et si n'en ai pas un ; Echoite attends et d'homme ne suis hoir, Bien recueilli, débouté de chacun.</p> <p>De rien n'ai soin, si mets toute ma peine D'acquérir biens et n'y suis prétendant ; Qui mieux me dit, c'est cil qui plus m'ataine, Et qui plus vrai, lors plus me va bourdant ; Mon ami est, qui me fait entendant D'un cygne blanc que c'est un corbeau noir ; Et qui me nuit, crois qu'il m'aide à pourvoir ;</p>	<p>Нагой, как червь, пышней я Всех господ. Я всеми принят, изгнан отовсюду.</p> <p>Я скуп и расточителен во всем. Я жду и ничего не ожидаю. Я нищ, и я кичусь своим добром. Трещит мороз - я вижу розы мая. Долина слез мне радостнее рая. Зажгут костер - и дрожь меня берет, Мне сердце отогреет только лед. Запомню шутку я и вдруг забуду, Кому презренье, а кому почет. Я всеми принят, изгнан отовсюду.</p> <p>Не вижу я, кто бродит под окном, Но звезды в небе ясно различаю. Я ночью бодр, а сплю я только днем. Я по земле с опаскою ступаю, Не вехам, а туману доверяю. Глухой меня услышит и поймет. Я знаю, что полыни горше мед. Но как понять, где правда, где причуда? А сколько истин? Потерял им счет. Я всеми принят, изгнан отовсюду.</p>
---	---

<p>Bourde, verté, aujourd'hui m'est tout un ; Je retiens tout, rien ne sait concevoir, Bien recueilli, débouté de chacun.</p> <p>Prince clément, or vous plaise savoir Que j'entends mout et n'ai sens ne savoir : Partial suis, à toutes lois commun. Que sais-je plus ? Quoi ? Les gages ravoir, Bien recueilli, débouté de chacun.</p>	<p>Не знаю, что длиннее - час иль год, Ручей иль море переходят вброд? Из рая я уйду, в аду побуду. Отчаянье мне веру придает. Я всеми принят, изгнан отовсюду.</p> <p>(У людей-то в дому — чистота, лепота, А у нас-то в дому — теснота, духота. У людей-то для щей — с солониною чан, А у нас-то во шах — таракан, таракан! У людей кумовья — ребятишек дарят, А у нас кумовья наш же хлеб приедят! У людей на уме — погутарить с кумой, А у нас на уме — не пойти бы с сумой?)</p>
<p>Баллада поэтического состязания в Блуа (Перевод И.Эренбурга №2</p>	<p>Баллада поэтического состязания в блуа (Перевод И.Эренбурга №3)</p>
<p>От жажды умираю над ручьем; Я плачу от любви, смеюсь от пеней; Я всюду дома, - мой же темный дом Страна изгнанья, скорби и томлений; Мне темен свет, ясны и близки тени; Мне из людей всего понятней</p>	<p>От жажды умираю над ручьем, Смеюсь сквозь слезы и тружусь играя, Куда бы ни пошел, везде мой дом, Чужбина мне – страна моя родная. Мне из людей всего понятней тот, Кто лебедицу вороном зовет.</p>

<p>тот, Кто лебедицу вороном зовет; Я сомневаюсь в явном, верю чуду; Нагой как червь, пышней я всех господ; Я всеми принят, изгнан отовсюду.</p> <p>Я скуп и расточителен во всем; Я падая страшусь своих падений; Я нищ и я кичусь своим добром; Мне постоянство чудится в измене; И случай мне важнее всех учений; Безродный, жду наследства что ни год; Жду осенью, когда ж растает лед; Закона мне страшней моя причуда; И только враг меня к себе влечет; Я всеми принят, изгнан отовсюду.</p> <p>Не различаю я людей кругом, Но знаю ясно лики привидений; Я ночью бодр, а сплю я только днем; Я у костра дрожу, как лист осенний; Я в праздники не знаю развлечений, И в будни я не ведаю забот;</p>	<p>Я сомневаюсь в явном, верю чуду. Нагой, как червь, пышнее всех господ, Я всеми принят, изгнан отовсюду. Я скуп и расточителен во всем, Я жду и ничего не ожидаю, Я нищ, и я кичусь своим добром. Трещит мороз – я вижу розы мая. Долина слез мне радостнее рая. Зажгут костер – и дрожь меня берет, Мне сердце отогреет только лед. Запомню шутку я и вдруг забуду, И для меня презрение – почет, Я всеми принят, изгнан отовсюду. Не вижу я , кто бродит под окном, Но звезды в небе ясно различаю. Я ночью бодр и засыпаю днем. Я по земле с опаскою ступаю, Не вехам, а туману доверяю. Глухой меня услышит и поймет. И для меня полыни горше мед. Но как понять, где правда, где причуда? И сколько истин? Потерял им счет. Я всеми принят, изгнан отовсюду. Не знаю, что длиннее – час иль год, Ручей иль море переходят вброд? Из рая я уйду, в аду побуду. Отчаянье мне веру придает. Я всеми принят, изгнан отовсюду.</p>
---	---

<p>Могучий, я слабее всех сирот; В тюрьме мне хорошо, на воле худо; Меня отчаянье вперед ведет; Я всеми принят, изгнан отовсюду.</p> <p>Послание О, принц, я истинам теряю счет, Но ни одна мне веры не дает; Таким я прежде был, таким я буду; Внизу узревший пламень всех высот, Я всеми принят, изгнан отовсюду.</p>	
<p>Баллада поэтического состязания в Блуа (Перевод Ю. Корнеева)</p> <p>У родника от жажды я стенаю; Хочу сказать: «Прощай!» — кричу: «Привет!» Чужбина для меня — страна родная. Надеюсь там я, где надежды нет; Хулу нежданно шлю хвале вослед; Лишь тем одушевляюсь, что мертво; Смеюсь сквозь слезы бог весть отчего. Студь жжет меня, жара бросает в дрожь.</p>	<p>БАЛЛАДА (написанная для состязания в Блуа) (Перевод Ю. Кожевникова)</p> <p>У родника я жажду в летний зной, Я лязгаю зубами в огневице, В своей стране — я на земле чужой, Зимой в лесу костром не отопиться. Я гол, как червь, одетый в багряницу, Жду без надежды и смеюсь сквозь стон, В покоях пышных скукою сражен, Среди веселья жду, что слезы хлынут,</p>

<p>Нагой, как червь, я славлю щегольство, Отвсюду изгнан и повсюду вхож.</p> <p>В бесспорное я веры не питаю; За явь охотно принимаю бред; Случайность неизбежностью считаю; Где разрешенье есть, блюду запрет. Что всем знакомо — для меня секрет. Хотя мое бесчисленно родство, Наследства я не жду ни от кого; С любым играю, не любя картеж; С крыльца сойдя, боюсь упасть с него, Отвсюду изгнан и повсюду вхож.</p> <p>Транжира я, хоть скупостью страдаю; Мню тех друзьями, кто чинит мне вред; Спасаясь бегством, если побеждаю; Скорблю о пораженьях в дни побед. Ворона в белый, лебедь в черный цвет Окрашены для глаза моего. Кто груб со мной, тот мне милей всего. Не различаю правду я и ложь, С учтивостью мешаю озорство, Отвсюду изгнан и повсюду</p>	<p>Могучий, я бессилен, как Самсон, Я всеми принят и всегда отринут.</p> <p>Все постоянство в зыбкости одной, Все смутно пред глазами очевидца. Я сомневаюсь в истине простой, Я, лежа на земле, боюсь свалиться. Едва проснусь, ночь наяву мне снится. Наукой правит случай, не закон, Весь выигрыш я ставлю вновь на кон, Наследства жду от тех, кто грош не вынут. Я все имею и всего лишен, Я всеми принят и всегда отринут.</p> <p>К чему мне заниматься суетой, Когда добычи не хочу добиться. Кто громко хвалит, тот насмешник злой, Кто режет правду — обмануть стремится. Друг истинный поможет убедиться, Что лебеди всегда черней ворон. Кто пакостит, мне помогает он. Я помню все, но смысл из знанья вынут, Мне ложь и правда на один</p>
---	--

<p>вхож.</p> <p>Не скрою, милосердный принц, того, Что, зная все, не знаю ничего, Живу с людьми и на отшибе все ж, Пекусь о многом, алчу одного, Отвсюду изгнан и повсюду вхож.</p>	<p>фасон, Я всеми принят и всегда отринут.</p> <p>Принц милосердный, знайте, что закон Земной я чту с тех пор, как был рожден, Но к мудрости я знаньем не подвинул. Что нужно знать мне? Как достать дублон. Я всеми принят и всегда отринут.</p>
<p>Баллада поэтического состязания в Блуа /Перевод В.Жаботинского/</p> <p>Я у ручья томлюсь, палимый жаждой; Огнем горю, от стужи трепеща, На родине, где звук и вид мне каждый Далек и чужд. Лохмотья и парча; Гол, как червяк, в одежде богача. В слезах смеюсь. Хочу лучей и грома. Жду новизны, что мне давно знакома, И радуюсь, съедаемый тоской. Я всемогущ, бессильный, как солома;</p>	<p>Баллада на конкурс в Блуа - Ф. Вийон /Перевод Ирины Васильевой, 09.06.2005 /</p> <p>От жажды гибну, глядя на фонтан; Горяч, как огонь - и мёрзну до костей; В своём краю беглец из дальних стран, Не греет жар пылающих углей; Я гол, как червь, в одеждах королей. . Без веры жду и хохочу в слезах; . Мне хорошо, когда терплю я крах; . А веселясь, не радуюсь совсем; . Могуч и слаб, властитель только в снах; . Желанный гость, я ненавистен</p>

<p>Я званный гость у всех, для всех изгой.</p> <p>Я убежден лишь в том, что непонятно, И только то, что явно, мне темно. Мне кажется обычным, что превратно; Сомнительным, что ведомо давно. Всегда везет — а счастья не дано. «Настала ночь», — шепчу я на рассвете. Страшусь упасть, лишь лягу на покой. Вельможный мот, голодный и скупой, Наследник царств, которых нет на свете, Я званный гость у всех, для всех изгой.</p> <p>Гонюсь за всем, что только взор увидит, — И не хочу, постыло все вокруг. Кто доброе мне скажет, тот обидит; Кто подтолкнет на гибель — лучший друг.</p> <p>Кто мне солгал, что топь — укромный луг, Что ворон злой есть лебедь благородный, Тот будет мне наставник</p>	<p>всем.</p> <p>Уверен в том, в чём вижу я обман; Где суть темна, там истина ясней; Сомненьям в очевидности предан, В случайности ищу закон вещей; Силён в игре, но нет меня бедней. . Рассветы я молю о вечерах; . Простёрт лежу - гнетёт паденья страх; . Имею много, не богат ничем; . Наследства жду, рождённый во грехах; . Желанный гость, я ненавистен всем.</p> <p>Мне даром то, где тяжкий труд отдан, Нажитый скарб не мил душе моей; Мне ласкою небесный ураган; Над голой правдой насмехаюсь злей; А друг мне тот, кто белых лебедей . Воронами зовёт в своих речах, . Кто мне вредит, усердствуя в дарах, . Болтун и вор. Другие мне зачем? . Я знаю всё, с ученьем не в ладах; . Желанный гость, я ненавистен всем.</p>
--	---

<p>путеводный. Ложь для меня лишь правды лик другой. Все видя, слеп. Творю, навек бесплодный. Я званный гость у всех, для всех изгой.</p> <p>Принц, это все, конец моей балладе О неуче под грузом книжной клади, О барине, родившемся слугой; А смысл ее? Подайте Христа ради — Я званный гость у всех, для всех изгой.</p>	<p>И Вы, мой принц, мне не указ в делах. Пристрастен я отнюдь не на словах: Законы мне не писаны никем. Зачем их знать? Пекусь лишь о долгах, Желанный гость, я ненавистен всем.</p>
<p>Баллада поэтического состояния в Блуа</p> <p>/Наталия Стрижевская /</p> <p>От жажды умираю над ручьем, Своим глазам не верю, верю в сны, Везде пройду и всюду ни при чем, Найду брильянт, не знаю им цены, Мне прописные истины темны, От счастья плачу и смеюсь со зла, Мне горек мёд и приторна зола, Судьбу клянусь, но не прошу другой, Мой дом весь мир, нет у меня</p>	<p>Баллада поэтического состояния в Блуа</p> <p>/Алексей Ларин/</p> <p>Над родником от жажды умираю, Как жар, горяч – и как щенок, дрожу. Свой край родной чужбиной называю И зябну, коль на угольях лежу. Гол как сокол, а гоголем хожу. В слезах смеюсь и жду, хоть ждать не след. Восторг и радость черпаю из бед. От горя рот растянут до ушей. Я верх беру, не ведая побед. Мне всюду рады, все меня</p>

угла,
Я всюду дома и везде изгой.

Мне белый лебедь кажется
грачом,
Средь бела дня гляжу на серп
луны,
Теряя, не жалею ни о чем,
На солнце зябну, летом жду
весны,
Тих как ягнёнок, хуже Сатаны,
Я в поле сыт, голоден у стола.
Мне лёгок пуд, пушинка
тяжела,
Иду к врагам, к любимой - ни
ногой,
Нищ как Иов, богаче короля,
Я всюду дома и везде изгой.

Меня в рай не заманишь
калачом,
Один как перст, жду помощи
родни,
Беседую с глухим о том о сём,
Лет не считаю, а считаю дни,
Сам на себя смотрю со
стороны,
Мне окрик мил, и брань мне
похвала,
Хожу под снегом в чем мать
родила,
Грублю князьям, сгибаюсь
пред слугой,
У мертвеца спрошу я " Как
дела? "
Я всюду дома и везде изгой.

Принц, я не отделию добро от
зла,
Мне тесен свет и вся земля

взашей.

Сполна лишь зыбкой дымке
доверяю
И лишь во тьме предметы
разгляжу.
Я только в верных веру и
теряю».
И в болтовне ученость нахожу.
Я выигрыш в руках не удержу.
Я ночи жду, коль на востоке
свет.
Упасть боюсь, а сам – червям
сосед.
Нет ни гроша, хоть слышен
звон грошей,
Наследства жду, хоть
родственников нет
Мне всюду рады, все меня
взашей.

Все трин-трава мне, чайные
питаю
Найти подход к большому
платежу.
Я благозвучным вой котом
считаю,
Считаю крайне искренним
ханжу.
Я только с тем навеки и дружу,
Кто называет черным белый
цвет.
Мне тот помог, кем я в ночи
раздет.
Мне все едино – ложь ли,
правду шей.
На всех плюю, блюду любой
совет.
Мне всюду рады, все меня

<p>мала, Я венчан лаврами, бит кочергой, Я бог иль червь? Царь или тля? Я всюду дома и везде изгой.</p>	<p>взашей. О принц, вниманьем вашим я согрет. Что слышал я? Неведом мне ответ. Я глух, но лучше всяких сторожей. Чем я живу? Надежды ярок свет. Мне всюду рады, все меня взашей.</p>
<p>Баллада поэтического состояния в Блуа /Валерий Перелешин/ Близ родника от жажды умираю, В ознобе бьюсь, в горячечном огне; В краю своем в изгнанье изнываю, И холодно вплотную к печи мне. Я гол, как червь, и в лучшем полотне. Изверившись, под смех я слезы прячу И нахожу в отчаянье удачу. Я весельчак, но радости лишен. Я, удалец, в бессилье силы трачу: Ведь мил я всем – и каждым обойден. Мне ясно то, о чем я сам не</p>	<p>Баллада поэтического состояния в Блуа /Сергей Петров/ Я у ручья от жажды умираю, В горячке от озноба колочусь, На зное я от стужи изнываю, На родине, как на чужбине, бьюсь. Гол как сокол, а важен, точно туз, Смеюсь от слез и бегаю ползком, Жду без надежды, щедрый скопидом, И выгода бывает мне невпрок, И радуюсь, оставшись ни при чем. Везде я гость, гонимый за порог, Лишь несусветицу я понимаю, Но истин очевидных не держусь. Я доверяю только негодню,</p>

<p> знаю, Загадочно – бесспорное вполне: Сомненьями я правду подрываю, Чтоб истина рождалась, как во сне. Что найдено – теряется вдвойне; Час утренний я в ночь переиначу; Боясь упасть с постели, чуть не плачу; Зажиточный, я в мелочи стеснен; Наследства жду – к безродности в придачу: Ведь мил я всем – и каждым обойден. </p> <p> Беспечнейший, богатства я желаю, Чтоб от него держаться в стороне; Любезному не верю краснобаю, От честного не жду границ брехне; Дивится друг вороньей белизне, И лебеди чернеют наудачу. Я недруга в друзья себе назначу. Ложь, истина? Их спор не разрешен. Я помню все – и попусту судачу: Ведь мил я всем – и каждым обойден. </p>	<p> На слово доброе всегда сержусь. От выигрышей скоро разорюсь, В казне своей и грош найду с трудом. Боюсь упасть, когда лежу ничком, Я с чистой совестью люблю порок, И, утро величая вечерком, Везде я гость, гонимый за порог. </p> <p> Я беззаботно рук не покладаю – Урвать кусок, за коим не гонюсь. Владыка, я ни с чем не совладаю, И походя наукам предаюсь. И только с тем, как с другом, я вожусь, Кто мне подменит скакуна одром. Зову к себе врага и вора в дом, А правде от меня за ложь попрек. Все помню, но не толком и добром. Везде я гость, гонимый за порог. </p> <p> Принц! Я дружу с людьми особняком, Законам – друг, но с ними не знаком. Заклад вернуть уже приходит срок. Не стал я, много зная, знатоком. Везде я гость, гонимый за </p>
--	---

<p>Добрейший князь, и вас я озадачу: Совсем не глуп, а ничего не значу, Бунтующий, к безропотным причтен. Мне ростовщик покроеет недостачу: Ведь мил я всем – и каждым обойден.</p>	<p>порог.</p>
<p>Баллада поэтического соствязания в Блуа /Геннадий Зельдович/</p> <p>В моем ручье песок, а не вода; Я легче ветра, на подъем тяжел; Мне сторона родимая чужда; В темнице я покой себе нашел; Я разодет, я по-червячьи гол; С улыбкой плачу, без надежды жду; Мне голодно, где подали еду; Мне холодно, где теплится очаг; Учуяв след, я медлю на следу, Желанный гость, отверженный чужак.</p> <p>Сомненьями душа моя тверда; Гляжу наверх, а вижу только дол; Я верую, не веря никогда; Я нехотя свершаю произвол; Все съединив, я учиню раскол; Я стукнусь в двери — и тотчас уйду; Когда лежу, боюсь, что упаду; Топчась на месте, я проворю шаг;</p>	<p>Баллада соствязания в Блуа /Аркадий Застырец/</p> <p>Я при смерти от жажды — над водой И от жары дрожу, стуча зубами; Живу в родном краю земли чужой И зябну у костра, чуть вспыхнет пламя; Нагой как червь, разубранный шелками, В слезах смеюсь и без надежды жду; Отрада мне — попавшему в беду; Источник наслаждения — изжога; Я все могу с бессильем наряду, Желанный гость не далее порога.</p> <p>В сомнительном ручаюсь головой; Запутан очевидными делами; По мне длинней любого путь прямой; Я поумнел от столкновенья лбами; Кому продул, те в проигрыше</p>

С волком хорош, с людьми я
не в ладу,
Желанный гость, отверженный
чужак.

Я, победив, сгораю со стыда;
Я потерял все то, что
приобрел;
Мне молвят "нет" — и
слышится мне "да";
А истина рождается из крамол;
Кому вороной кажется орел,
В таком безумце мудреца
найду;
Кто помогал, втравил меня в
беду;
Мне все едино, ибо все не так;
Я слеп к тому, что прямо на
виду,
Желанный гость, отверженный
чужак.

О принц, в каком изволите
году
Язык я общий с мертвыми
найду;
Я розен, я со всеми одинак;
Скостить словес ненужную
чреду —
Желанный гость, отверженный
чужак.

сами;
Наследник без кого-либо в
роду;
Ничком лежать — боюсь, что
упаду;
С рассветом добрых снов прошу
у Бога;
Большой богач с прорехой на
заду,
Желанный гость не далее
порога.

Беспечен и в заботах день-
деньской,
Чтоб овладеть ненужными
правами;
Кто сладко говорит — мучитель
мой;
Обманут я правдивыми
словами;
А с теми, кто считает лебедями
Ворон — я только дружбу и
веду;
Как помощи, я радуюсь вреду;
Умно, темно — запутался
немного...
Но рассуждаю здраво, как в
бреду,
Желанный гость не далее
порога.

Мой Принц, я постигаю на ходу
Премудрости, с наукой не в
ладу,
Сам по себе, но службой связан
строга.
Ну что еще? Не двигаясь, иду,
Желанный гость не далее
порога.

Задание №5. Сопоставьте подстрочник к «Посвящению» из «Фауста» Гёте и его переводы Н. Холодковского и Б. Пастернака, определите концепцию каждого переводчика.

"Фауст" Гете. ПОСВЯЩЕНИЕ.

Подстрочник

Вы снова у меня, колеблющиеся очертания,
Которые рано явились моему омраченному взгляду.
Найду ли я желание вас удержать в этот раз?
Напомню ли я в моем сердце склонность к мечте?
Вы надвигаетесь на меня! Ну хорошо, вам хочется здесь
царить,
Как испарения и мгла, вы поднимаетесь вокруг меня,
Моя грудь ощущает юношеское волнение,
Колдовство, которое навевает ваше движение.
Вы принесли с собой картины прошлых дней,
И некоторые любимые тени взлетают
Подобно старинной, тихо звучащей сказке
Возвращается ко мне первая любовь и дружба,
Боль обновленная, повторный плач
Наполняют ваш бег по жизненному лабиринту
И вспоминаю я добром тех, которые прекрасные часы
Счастьем наполняли, со мной разделяли мой путь.

Перевод Н. Холодковского

Вы вновь со мной, туманные виденья,
Мне в юности мелькнувшие давно...
Вас удержу ль во власти вдохновенья?
Былым ли снам вернуться вновь дано?
Из сумрака, из тьмы полузабвенья
Восстали вы... О, будь, что суждено!
Как в юности, ваш вид мне грудь волнует,
И дух мой снова чары ваши чует
Вы принесли с собой воспоминанье
Веселых дней и милых теней рой,
Воскресло вновь забытое сказанье
Любви и дружбы первой предо мной;
Все вспомнилось: и прежнее страданье,
И жизни бег запутанной чредой,
И образы друзей, из жизни юной
Исторгнутых, обманутых фортуной.

Перевод Б. Пастернака

Вы снова здесь, изменчивые тени, -
Меня тревожившие с давних пор,
Найдется ль наконец вам воплощенье

Или остыл мой молодой задор?
Но вы, как дым, надвинулись, виденье
Туманом мне заставши кругозор.
Ловлю дыханье ваше грудью всею
И возле вас душою молодею.
Вы воскресили прошлого картины,
Былые дни, былые вечера.
Вдали всплывает сказкою старинной
Любви и дружбы первая пора.
Пронизанный до самой сердцевины
Тоской тех лет и жаждою добра,
Я всех, кто вил в тот полдень лучезарный
Опять припоминаю благодарно.

*Задание №6. Прочитайте сопоставительный анализ фрагментов перевода «Фауста» Гёте и связанные с этим процессом размышления Игоря Хоменко (<http://www.ussr-2.ru/index.php/dukh-voina/o-dushe/176-iogann-volfgang-fon-gjote/1011-perevody-fausta-gete-kholodkovskij-ili-pasternak>)
Согласны ли Вы с комментариями автора? А с его представлениями о роли перевода и задачах переводчика? В каком переводе читатели «Фауста» Гёте вы?*

«Я формулирую несколько ключевых вопросов к этому произведению. Но эти переводы дают мне совершенно противоположные ответы. Русским школьникам его преподают или в переводе Николая Александровича Холодковского (зоолог, кандидат физико-математических наук, член-корреспондент Петербургской Академии Наук), или в переводе Бориса Леонидовича Пастернака (поэт, писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе). Вот познакомьтесь: в первой колонке – перевод Холодковского, во второй – Пастернака. Серым цветом – мои комментарии.

Что думает Фауст о себе?

<p>Холодковский</p> <p>Пусть я разумней всех глупцов - Писак, попов, магистров, докторов, — Пусть не страдаю от пустых сомнений, Пусть не боюсь чертей и привидений, Пусть в самый ад спуститься я готов, — Зато я радостей не знаю, Напрасно истину ищу, Зато, когда людей учу, Их научить, исправить — не мечтаю!</p> <p><i>Фауст самокритичен, не суверен.</i></p> <p><i>Преподает, но при этом признает ограниченное влияние научных занятий на духовное развитие личности.</i></p>	<p>Пастернак</p> <p>Хотя я разумнее многих хватов, Врачей, попов и адвокатов, Их точно всех попутал леший, Я ж и пред чертом не опешу, - Но и себе я знаю цену, Не тешусь мыслию надменной, Что светоч я людского рода И вверен мир моему уходу.</p> <p><i>Все «работники умственного труда» попали под влияние мелкой нечисти. Фауст же не боится и более крупных экземпляров. Фауст самолюбив, но не верит в свое высшее предназначение.</i></p>
<p>Как Фауст относится к христианской вере?</p>	
<p><i>Фауст хочет выпить яд, но в этот момент слышит звук колоколов и хоровое пение в пасхальную ночь.</i></p> <p>О звук божественный! Знакомый сердцу звон Мне не дает испить напиток истребленья. Его я узнаю: нам возвещает он Божественную весть святого воскресенья. В ту ночь, когда с землёй сроднились небеса, Не так ли ангелов звучали голоса Святым залогом искупленья?</p> <p><i>Христианство родилось в "ту ночь, когда с землей сроднились небеса".</i></p>	<p>Река гудящих звуков отвела От губ моих бокал с отравой этой. Наверное, уже колокола Христову пасху возвестили свету И в небе ангелы поют хорал, Который встарь у гроба ночью дал Начало братству нового завета.</p> <p><i>Христианство - братство нового завета.</i></p> <p><i>Родилось оно "встарь", "у гроба", "ночью".</i></p>
<p>Почему Фауст готов на соглашение с потусторонними силами?</p>	
<p>Вот почему я магии решил Предаться: жду от духа слов и сил, Чтоб мне открылись таинства природы, Чтоб не болтать, трудясь по пустякам,</p>	<p>И к магии я обратился, Чтоб дух по зову мне явился И тайну бытия открыл. Чтоб я, невежда, без конца Не корчил больше мудреца, А понял бы, уединясь,</p>

<p>О том, чего не ведаю я сам, Чтоб я постиг все действия, все тайны, Всю мира внутреннюю связь; Из уст моих чтоб истина лилась, А не набор речей случайный.</p> <p><i>Желание Фауста – обращаться к людям не с сиюминутными речами о преходящих знаниях, а нести им Истинное Слово.</i></p>	<p>Вселенной внутреннюю связь, Постиг все сущее в основе И не вдавался в суесловье.</p> <p><i>Фауст хочет все познать только для собственного удовлетворения («понял бы уединясь»).</i></p>
<p>Как относится Бог к Фаусту?</p>	
<p>Пока ещё умом во мраке он блуждает, Но истины лучём он будет озарён;</p> <p><i>Истина озаряет человека не как дар господина, а как плод его собственных исканий и выбора.</i></p> <p><i>Мефистофелью</i></p> <p>И, если можешь, поведи Путём превратным за собою, - И посрамлён да будет сатана! Знай: чистая душа в своём исканье смутном Сознания истины полна!</p> <p><i>Искания Фауста имеют светлую духовную основу. Они могут быть смутными, ошибочными, но не приведут к грехопадению</i></p>	<p>Он служит мне, и это налицо, И выбьется из мрака мне в угоду.</p> <p><i>Человек - раб божий и делает все не по своей воле, а в угоду господину – Богу.</i></p> <p>...</p> <p>И, если можешь, низведи В такую бездну человека, Чтоб он тащился позади. Ты проиграл навверняка. Чутьем, по собственной охоте Он вырвется из тупика.</p> <p><i>Фауст приравнивается к животному, которое должно уклониться от греха на уровне своих рефлексов.</i></p>
<p>Как относится Мефистофель к Фаусту?</p>	
<p>Всегда в свои мечтанья погружён, То с неба лучших звёзд желает он, То на земле - всех высших наслаждений, И в нём ничто - ни близкое, ни даль - Не может утолить грызущую печаль.</p> <p><i>Фауст погружен в себя, ищет совершенства в духовной и физической жизни, но не находит его.</i></p>	<p>Он рвется в бой, и любит брать преграды, И видит цель, манящую вдали, И требует у неба звезд в награду И лучших наслаждений у земли, И век ему с душой не будет сладу, К чему бы поиски ни привели.</p> <p><i>Фауст – буйнопомешанный. Маниакально требует у какого-то Неба звезд за непонятно какие заслуги, у какой-то Земли лучших</i></p>

	<i>наслаждений (заметьте у Холодковского Фауст желает, а не требует, и наслаждений высших, а не лучших).</i>
Почему Бог дает Мефистофелю власть над Фаустом?	
<p>Слаб человек; покорствуя уделу, Он рад искать покоя, - потому Дам беспокойного я спутника ему: Как бес, дразня его, пусть возбуждает к делу!</p> <p><i>Человек склонен идти по течению обстоятельств.</i></p> <p><i>Внешние соблазны должны сподвигать его на выбор между добром и злом. Не будет соблазнов - не будет выбора. Не будет возможности проявить свою богоподобную суть.</i></p>	<p>Из лени человек впадает в спячку. Ступай, расшевели его застой, Вертись пред ним, томи, и беспокой, И раздражай его своей горячкой.</p> <p><i>Назначение соблазнов – разбудить заснувшего лентяя. Только и всего.</i></p>
Как Мефистофель объясняет Фаусту источник зла?	
<p>А я — лишь части часть, которая была В начале всё той тьмы, что свет произвела.</p> <p><i>Самое лаконичное выражение библейской идеи о происхождении мира.</i></p> <p><i>Читаем с конца к началу: современный мир (свет) произошел в результате грехопадения Адама и Евы (тьмы). Но до греха был период безгрешной жизни «часть которая была в начале всей той тьмы». Эта безгрешная жизнь была одной из частей божественного замысла, другой частью этого замысла было Зло – Мефистофель.</i></p>	<p>Я - части часть, которая была Когда-то всем и свет произвела. Свет этот - порожденье тьмы ночной И отнял место у нее самой.</p> <p><i>Некая сила, которая когда была всем, произвела свет. Название этой силы «тьма ночная». Светлое дитя оказалось сильнее «темного родителя» и прогнала его с насиженного места</i></p>
Что Фауст понял в конце жизни?	
<p>Я предан этой мысли! Жизни годы Прошли не даром; ясен предо мной Конечный вывод мудрости земной: Лишь тот достоин жизни и свободы, Кто каждый день за них идёт на бой!</p>	<p>Вот мысль, которой весь я предан, Итог всего, что ум скопил. Лишь тот, кем бой за жизнь изведен, Жизнь и свободу заслужил.</p>

<p><i>Речь идет о духовной свободе. О Свободе от догм и стереотипов. О Свободе, с которой Альберт Эйнштейн создаст Теорию Относительности, а Сальвадор Дали напишет картину «Постоянство памяти».</i></p> <p><i>Свободе, о борьбе за которую Антон Чехов напишет «Я каждый день стараюсь по капельке выдавить из себя раба!»</i></p>	<p><i>Бой за жизнь изведен как праведникам, так и злодеями. И все они заслуживают свободу?</i></p>
--	--

Два перевода одного и того же произведения. Два разных Фауста и Мефистофеля. Два разных Бога. Не просто разных, я бы употребил слово «противоположных». Перевод Холодковского – работа великого ученого. Перевод Пастернака – самовыражение талантливого поэта. Сравните сочинения тех школьников, кто изучал Фауста по Холодковскому и сочинения читателей Фауста от Пастернака. Первые будут представлять героя как ищущего мыслителя, вторые – как интеллектуального психопата. Какой Фауст будет «правильным» в Едином Государственном Экзамене по литературе? Классическая литература – это популярное изложение философии. Классик умеет выразить философские смыслы такими фразами, которые созданы на стыке разума и эмоций. Следовательно, миссия переводчика – не исказить смыслы, заложенные в оригинале. Если он выразил верный смысл не совсем «читабельным» поэтическим слогом – это не так страшно. Хуже всего создавать витиеватыми выражениями чуждые оригиналу идеи и образы. На языке права такое деяние называется «фальсификация», и по сути не что иное, как нарушение интеллектуальных прав классика. А с каким Фаустом вы бы познакомили своего ребенка?»

2.3. СОПОСТАВЛЕНИЕ ТЕКСТОВ НА УРОВНЕ ТЕМЫ И ЖАНРА

Задание 7. *Сопоставьте авторские варианты осмысления темы демонизма А.Блоком в стихотворениях 1910 и 1916 годов с одним и тем же названием – «Демон».*

1) А. Блок "Демон"

1910 г.

Прижмись ко мне крепче и ближе,

Не жил я - блуждал средь чужих...

О, сон мой! Я новое вижу

В бреду поцелуев твоих!

В томленьи твоём исступленном

Тоска небывалой весны

Горит мне лучом отдаленным

И тянется песней зурны.

На дымно-лиловые горы

Принес я на луч и на звук

Усталые губы и взоры

И плети изломанных рук.

И в горном закатном пожаре,

В разливах синеющих крыл,

С тобою, с мечтой о Тамаре,

Я, горный, навеки без сил...

И снится в далеком ауле,

У склона бессмертной горы,

Тоскливо нам в небо плеснули

Ненужные складки чадры...

Там стелется в пляске и плачет,

Пыль вьется и стонет зурна...

Пусть скачет жених – не доскачет!

Чеченская пуля верна.

1916 г.

Иди, иди за мной – покорной

И верною моей рабой.

Я на сверкнувшей гребень горный

Взлечу уверенно с тобой.

Я пронесу тебя над бездной,

Ее бездонностью дразня.

Твой будет ужас бесполезный -

Лишь вдохновеньем для меня.

Я от дождя эфирной пыли

И от круженья охраню

Всей силой мышц и сенью крылий

И, вознося, не уроню.

И на горах, в сверканьи белом,

На незапятнанном лугу,

Божественно-прекрасным телом

Тебя я странно обожгу.

Ты знаешь ли, какая малость

Та человеческая ложь,

Та грустная земная жалость,
Что дикой страстью ты зовешь?

Когда же вечер станет тише,
И, околдованная мной,
Ты полететь захочешь выше
Пустыней неба огневой, -

Да, я возьму тебя с собою
И вознесу тебя туда,
Где кажется земля звездою,
Землею кажется звезда.
И, онемев от удивленья,
Ты узришь новые миры -
Невероятные виденья,
Создания моей игры...

Дрожа от страха и бессилья,
Тогда шепнешь ты: отпусти...
И, распустив тихонько крылья,
Я улыбнусь тебе: лети.

И под божественной улыбкой
Уничтожаясь на лету,
Ты полетишь, как камень зыбкий,
В сияющую пустоту...

2.4. Сопоставление текстов на уровне формы

Задание 8. Сопоставьте тексты двух разных авторов на уровне жанра и темы. Что отличает тексты? Что объединяет?

М.Ю. Лермонтов "Герой нашего времени"

Письмо Веры к Печорину.

"Я пишу к тебе в полной уверенности, что мы никогда более не увидимся. Несколько лет тому назад, расставаясь с тобою, я думала то же самое; но небу было угодно испытать меня вторично; я не вынесла этого испытания, мое слабое сердце покорилось снова знакомому голосу... ты не будешь презирать меня за это, не правда ли? Это письмо будет вместе прощанием и исповедью: я обязана сказать тебе все, что накопилось на моем сердце с тех пор, как оно тебя любит. Я не стану обвинять тебя - ты поступил со мною, как поступил бы всякий другой мужчина: ты любил меня как собственность, как источник радостей, тревог и печалей, сменявшихся взаимно, без которых жизнь скучна и однообразна. Я это поняла сначала... Но ты был несчастлив, и я пожертвовала собою, надеясь, что когда-нибудь ты оценишь мою жертву, что когда-нибудь ты поймешь мою глубокую нежность, не зависящую ни от каких условий. Прошло с тех пор много времени: я проникла во все тайны души твоей... и убедилась, что то была надежда напрасная. Горько мне было! Но моя любовь срослась с душой моей: она потемнела, но не угасла.

Мы расстаемся навеки; однако ты можешь быть уверен, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебя все свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая раз тебя не может смотреть без некоторого презрения на прочих мужчин, не потому, чтоб ты был лучше их, о нет! но в твоей природе есть что-то особенное, тебе одному свойственное, что-то гордое и таинственное; в твоём голосе, что бы ты ни говорил, есть власть непобедимая; никто не умеет так постоянно хотеть быть любимым; ни в ком зло не бывает так привлекательно; ничей взор не обещает столько блаженства; никто не умеет лучше пользоваться своими преимуществами и никто не может быть так истинно несчастлив, как ты, потому что никто столько не старается уверить себя в противном.

Теперь я должна тебе объяснить причину моего поспешного отъезда; она тебе покажется маловажна, потому что касается до одной меня.

Нынче поутру мой муж вошел ко мне и рассказал про твою ссору с Грушницким. Видно, я очень переменялась в лице, потому что он долго и пристально смотрел мне в глаза; я едва не упала без памяти при мысли, что ты нынче должен драться и что я этому причиной; мне казалось, что я сойду с ума... Но теперь, когда я могу рассуждать, я уверена, что ты останешься жив: невозможно, чтоб ты умер без меня, невозможно! Мой муж долго ходил по комнате; я не знаю, что он мне говорил, не помню, что я ему отвечала...верно, я ему сказала, что я тебя люблю... Помню только, что под конец нашего разговора он оскорбил меня ужасным словом и вышел. Я слышала, как он велел закладывать карету. Вот уж три часа, как я сижу у окна и жду твоего возврата... Но ты жив, ты не можешь умереть!.. Карета почти готова... Прощай, прощай... Я погибла, - но что за нужда?.. Если б я могла быть уверена, что ты всегда меня будешь помнить, - не говорю уж любить, - нет, только помнить... прощай; идут... я должна спрятать письмо...

Не правда ли, ты не любишь Мери? ты не женишься на ней? Послушай, ты должен мне принести эту жертву: я для тебя потеряла все на свете..."

С. Есенин Письмо к женщине

Вы помните,	Что вам пора за дело приниматься,
Вы все, конечно, помните,	А мой удел -
Как я стоял,	Катиться дальше, вниз.
Приблизившись к стене,	
Взволнованно ходили вы по комнате	Любимая!
И что-то резкое в лицо бросали мне.	Меня вы не любили.
	Не знали вы, что в сонмище людском
Вы говорили:	Я был, как лошадь, загнанная в мыле,
Нам пора расстаться, что вас измучила	Пришпоренная смелым ездоком.
Моя шальная жизнь,	

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму -
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу лица не увидеть.
Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянье.

Земля - корабль!
Но кто-то вдруг,
За новой жизнью, новой славой
В прямую гущу бурь и вьюг
Ее направил величаво.

Ну кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Тогда и я
Под дикий шум,
Незрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,

Чтоб не смотреть людскую рвоту.
Тот трюм был -
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.
Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска в глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрчивал в скандалах.
Но вы не знали,
Что в сплошном дыму
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий.

Теперь года прошли,
Я в возрасте ином.
И чувствую, и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:

Хвала и слава рулевому!

Сегодня я

В ударе нежных чувств.

Я вспомнил вашу грустную
усталость.

И вот теперь

Я сообщить вам мчусь,

Каков я был

И что со мною случилось!

Любимая!

Сказать приятно мне:

Я избежал паденья с кручи.

Теперь в Советской стороне

Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем, Кем был тогда.

Не мучил бы я вас,

Как это было раньше.

За знамя вольности

И светлого труда

Готов идти хоть до Ла-Манша.

Простите мне...

Я знаю: вы не та -

Живете вы

С серьезным, умным мужем;

Что не нужна вам наша маята,

И сам я вам

Ни капельки не нужен.

Живите так,

Как вас ведет звезда,

Под кущей обновленной сени.

С приветствием,

Вас помнящий всегда

Знакомый ваш –

Сергей Есенин

Библиографический список

1. Адаева О.Б., Иваненко Г.С. От целеполагания к условиям реализации: о концепции курса русского языка в школе // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2015. №10. С.14-20.
2. Иваненко Г.С. Определение позиции автора: пять этапов когнитивного процесса декодировки информации Филологический класс. 2018. № 4 (54). С. 117-123.
3. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник; Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. 2-е изд. М.: Флинта: Наука, 2004. – 496 с.
4. Болотнова Н.С. Филологический анализ текста. М.: Флинта: Наука, 2007. – 530с.
5. Николина Н.А. Филологический анализ текста: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2007. — 272 с.
6. Белова Н.А. Филологический анализ художественного текста: реализация интеграции лингвистического и литературоведческого подходов в школе: Учебно-методическое пособие / Н. А. Белова / Мордов. гос. ун-т. 2-е изд., перераб. и доп. Саранск, 2008. – 205 с.
7. Щерба Л.В. Опыты лингвистического толкования стихотворений. II. «Сосна» Лермонтова в сравнении с ее немецким прототипом // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку / Акад. наук СССР. Отд-ние лит-ры и языка. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во М-ва просвещения РСФСР, 1957. – С. 97–109.
8. Конопелько И.П. Сопоставительный анализ в исследовании и преподавании языка. Воронеж: издательство ООО «Ритм», 2019. – 226с.

9. Купина Н.А. Лингвистический анализ художественного текста: Учеб. пособие для студентов-заочников V курса фак. яз. и лит. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1980. – 78 с.
10. Купина Н. А. Филологический анализ художественного текста: Практикум: Учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по спец. 032900 "Русский язык и литература". М.: Флинта: Наука, 2003 – 405 с. – ISBN 5-89349-391-5; 5-02-002768-5
11. Купина Н.А. Филологический анализ художественного текста: практикум. М.: Флинта, 2016.– 408с. – ISBN 978-5-89349-391-7
12. Иваненко Г.С. Филологический анализ текста. Учебно-практическое пособие для студентов филологических факультетов. Челябинск: ЗАО «Библиотека Миллера», 2019. – 100с.
13. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). 2-е изд., доп. СПб, 1998. – 451С.
14. Иваненко Г.С. Любовь в русской дворянской культуре первой половины XIXв. через призму стихотворения Д.Давыдова "Вальс"// Materials of the VIII international scientific conference. 2017. С. 50-53.
15. Иваненко Г.С. Формирование представления о динамических процессах в языке как средство становления гуманитарного мышления // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 6 (79). С. 472-475.

Учебно-методическое пособие

Иваненко Галина Сергеевна

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТОВ
как средство формирования читательской культуры
и критического мышления

Корректор
Г.С. Иваненко
Компьютерная верстка
В. М. Жанко

Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 3,31 Тираж 100 экз.

Типография ЗАО «Библиотека А. Миллера»
454080, Челябинск, проспект Ленина, 69